18+
Особо опасные
Милые Обманщицы
КНИГА, вдохновившая ABC на создание сериала PRETTY LITTLE LIARS
САРА ШЕПАРД

Сара Шепард

Милые обманщицы. Особо опасные

«АСТ»

2010

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Шепард С.

Милые обманщицы. Особо опасные / С. Шепард — «АСТ», 2010 — (Милые обманщицы)

ISBN 978-5-17-100007-3

На протяжении долгих трех лет Ханна, Спенсер, Ария и Эмили пытались выяснить, что произошло той страшной ночью, когда пропала их лучшая подруга Элисон. И вот наконец ответы найдены, убийца пойман – и никакой «Э» больше не потревожит девушек. Но не тут-то было…Семья ДиЛаурентис припрятала в шкафу еще один скелет. И в этот раз, когда жуткая тайна откроется жителям Роузвуда, изменится абсолютно всё.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-100007-3

© Шепард С., 2010
© АСТ, 2010

Содержание

Вглядись 6
1 10
2 14
3 17
4 21
5 25
6 29
7 32
8 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Сара Шепард
Милые обманщицы. Особо опасные

Sara Shepard
PRETTY LITTLE LIARS
Book 8: Wanted
Published by arrangement with Rights People, London.

Produced by Alloy Entertainment, LLC
© 2010 by Alloy Entertainment and Sara Shepard
© Key Artwork 2016 Warner Bros. Entertainment Inc. All Rights Reserved.
© И. Литвинова, перевод на русский язык, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017

***

Учителям английского языка и литературы —
покойной Мэри Френч, Элис Кэмпбелл и Карен Болд Мейпс

«В жизни бывают две трагедии. Одна – не добиться исполнения своего самого сокровенного желания. Вторая – добиться».
Джордж Бернард Шоу

Вглядись

Говорят, одна картинка стоит тысячи слов. Вот камера наблюдения ловит красивую брюнетку, удирающую из бутика *Tiffany* с горстью золотых побрякушек. Снимок, сделанный папарацци, разоблачает роман женатого режиссера и юной старлетки. Но картинка не может рассказать, что на самом деле та брюнетка – продавщица и что она несет браслеты хозяйке бутика, а режиссер в прошлом месяце подал на развод.

А что там с семейными фото? Взять хотя бы снимок, на котором мама, отец, сестра и брат улыбаются, позируя на крыльце шикарного особняка в викторианском стиле. Но присмотрись внимательнее. Улыбка отца кажется слегка натянутой. Взгляд матери устремлен в сторону соседского дома – а может, и на кого-то из *соседей*. Брат сжимает перила так сильно, словно хочет их сломать. А сестра улыбается загадочно, будто скрывает какой-то восхитительный секрет. Задний двор изрыт гигантским желтым бульдозером, и там кто-то маячит, но не разглядеть ничего, кроме пятна светлых волос и бледной кожи. Парень это… или девушка? Возможно, это всего лишь игра света или смазанный отпечаток пальца.

Но не исключено, что все эти нюансы, оставшиеся не замеченными при беглом просмотре, значат куда больше, чем можно себе представить.

Четыре симпатичные девушки из Роузвуда уверены, что цепочка событий той ночи, когда пропала их лучшая подруга, полностью восстановлена. Злодей арестован, и дело закрыто. Но если они покопаются в воспоминаниях, сосредоточатся на том, что маячит на периферии памяти, рождая смутные сомнения, и присмотрятся к *тем, кто рядом,* картина может измениться прямо на глазах. Если они соберутся с духом и заглянут глубже, их поразит – и даже напугает – то, что они обнаружат.

В конце концов, правда бывает удивительнее вымысла. Особенно здесь, в Роузвуде.

Июньский вечер был туманным и безлунным. В густых черных лесах стрекотали сверчки, и по всей округе разливались ароматы цветущих азалий, свечей с эфирным маслом цитронеллы и хлорированной воды бассейнов. Роскошные автомобили новейших моделей мирно спали в трехместных гаражах. В Роузвуде, шикарном уютном пригороде Филадельфии, что в штате Пенсильвания, ни одна травинка не выбивалась из общего стиля и все находились там, где им и положено быть.

Почти все.

Элисон ДиЛаурентис, Спенсер Хастингс, Ария Монтгомери, Эмили Филдс и Ханна Марин включили весь свет в переоборудованном амбаре за домом Спенсер, приготовившись к ночному девичнику по случаю окончания седьмого класса. Спенсер спешно выбросила в мусорную корзину несколько пустых бутылок из-под пива *Corona*. Их оставили ее сестра, Мелисса, со своим бойфрендом, Йеном Томасом, которых Спенсер только что выгнала из амбара. Эмили и Ария свалили в кучу желтую и бордовую спортивные сумки с барахлом для ночевки. Ханна плюхнулась на диван и принялась за недоеденный попкорн. Эли захлопнула дверь амбара и щелкнула замком. Никто не расслышал хлюпающих шагов по росистой траве и не заметил облачко дыхания на оконном стекле.

Щелк.

– Так вот, девчонки! – воскликнула Элисон, усаживаясь на подлокотник кожаного дивана. – Я знаю, чем мы займемся. – Хотя окно было закрыто, ее голос просочился сквозь тонкое стекло и прошелестел в тихой июньской ночи. – Я освоила гипноз. И могу загипнотизировать вас всех и сразу.

Повисла долгая пауза. Спенсер вцепилась в пояс хоккейной юбки. Ария и Ханна обменялись встревоженными взглядами.

– *Пожа-а-а-алуйста!* – протянула Эли, складывая ладони, как в молитве. Она взглянула на Эмили. – Ты ведь позволишь загипнотизировать *тебя*, верно?

– Э-э… – Голос Эмили дрогнул. – Ну…

– Я согласна, – выпалила Ханна.

Щелк.

Жжж.

Остальные нехотя согласились. Да и могло ли быть иначе? Эли была самой популярной девушкой дневной школы Роузвуда, где они учились. Парни все как один хотели встречаться с ней, девчонки стремились быть такой, как она, родители считали ее совершенством, и она всегда добивалась своего. Для Спенсер, Арии, Эмили и Ханны как будто сбылась мечта всей жизни, когда в прошлом году, во время школьного благотворительного марафона, Эли обратила на них внимание и приняла в свою компанию, превратив их из серых мышек в блистательных королев. Эли брала их с собой на уик-энды в горы Поконо, научила делать грязевые маски, обеспечила им лучший столик в школьном кафе. Но она также заставляла их делать то, чего им совсем не хотелось, – взять хотя бы историю с Дженной, страшный секрет, который они поклялись хранить до самой смерти. Иногда они чувствовали себя безжизненными марионетками в руках кукловода – разумеется, Эли.

В последнее время Эли стала игнорировать их звонки, предпочитала общаться со старшими подругами из команды по хоккею на траве, и, казалось, теперь ее интересовали только секреты девчонок и их слабые места. Она подтрунивала над Арией, зная о тайном романе ее отца с одной из студенток. Высмеивала безудержную страсть Ханны к чипсам – и ее расплывающуюся талию. Издевалась над Эмили, по-щенячьи влюбленной в нее, и угрожала разоблачить Спенсер, которая целовалась с парнем своей сестры. Девочки подозревали, что дружба с Эли, как песок, ускользает сквозь пальцы. И в глубине души задавались вопросом, останутся ли они с Эли подругами после сегодняшней ночи.

Щелк.

Эли засуетилась, чиркнула зажигалкой *Zippo*, зажигая свечи с ароматом сладкой ванили, и опустила жалюзи – на всякий случай. Она попросила девочек сесть, скрестив ноги, на плетеном ковре. Слегка недовольные, они все-таки расселись в круг, но чувствовали себя неловко. Что, если Эли действительно удастся загипнотизировать их? Все они хранили сокровенные секреты, о которых знала только Эли. Секреты, которыми они не хотели делиться друг с другом, а уж тем более со всем остальным миром.

Щелк.

Жжж.

Эли начала вести обратный отсчет от ста, и ее хрипловатый голос звучал успокаивающе. Никто не шевелился. Эли прошлась на цыпочках по комнате мимо массивного дубового компьютерного стола, заполненных книжных полок, крошечной кухоньки. Девочки послушно сидели, неподвижные, как статуи. Никто ни разу не взглянул в сторону окна. И никто не слышал механических *щелчков* старого громоздкого фотоаппарата *Polaroid*, который штамповал их размытые изображения и, *жужжа,* выплевывал фотографии на землю. Щели между створками жалюзи оказалось достаточно, чтобы сделать вполне приличные снимки происходящего в комнате.

Щелк.

Жжж.

Эли уже заканчивала отсчет, когда Спенсер вскочила и бросилась к заднему окну.

– Здесь слишком темно, – заявила она и отдернула шторы, впуская в комнату ночь. – Я хочу, чтобы было светлее. Может, всем этого хочется.

Элисон обвела взглядом остальных. Девочки сидели с закрытыми глазами. Ее губы скривились в ухмылке.

– Задерни шторы, – настойчиво произнесла она.

Спенсер закатила глаза:

– О боже, прими что-нибудь успокоительное.

Эли выглянула в уже открытое окно. Страх промелькнул на ее лице. Она что-то увидела? Узнала того, кто там прятался? Догадывалась о том, что ее ждет?

Но тут Эли повернулась к Спенсер. Ее пальцы сжались в кулаки.

– Ты считаешь, это *мне* требуется успокоительное?

Щелк. Еще одна фотокарточка вылетела из *Polaroid*. На бумаге, словно из небытия, медленно проступало изображение.

Спенсер и Эли долго буравили друг друга взглядами. Остальные девочки по-прежнему сидели на ковре. Ханна и Эмили раскачивались взад-вперед, запутавшись в сетях сна, но Ария держала глаза приоткрытыми. Она следила за Спенсер и Эли, наблюдая разворачивающуюся ссору, хотя была не в силах ее остановить.

– Уходи, – потребовала Спенсер, указывая на дверь.

– Отлично. – Эли стремительно выскочила на крыльцо, громко хлопнув дверью.

Эли постояла какое-то мгновение, глубоко вдыхая ночной воздух. Шелестели и шептались листья на деревьях. Желтый фонарь над входной дверью освещал Эли с левой стороны. Ее лицо искажала гримаса злости и упрямства. Она не стала боязливо вглядываться в темноту. Она не ощущала опасность, притаившуюся сразу за порогом. Возможно, потому что Эли была слишком поглощена собой и собственной роковой тайной. Прямо сейчас ей предстояло кое с кем встретиться. И постараться не попасться на глаза кое-кому другому.

Эли двинулась вперед по тропинке. В следующее мгновение снова хлопнула дверь амбара. Спенсер бросилась следом за Эли, догнав ее у самого леса. Их шепот становился все более возбужденным и яростным. «*Ты пытаешься украсть у меня все, что можно. Но этого ты не получишь. Ты ведь читала об этом в моем дневнике, не так ли? Ты думаешь, что поцелуй с Йеном был таким уж особенным, но он сказал мне, что ты даже не умеешь целоваться*».

Послышался звук скользящих по траве подошв. Вскрик. Зловещий *треск.* Вздох ужаса. А потом наступила тишина.

Ария вышла на крыльцо и огляделась по сторонам.

– Эли? – крикнула она, чувствуя, как дрожит нижняя губа.

Ответа не последовало. Дрожь пробежала по кончикам пальцев Арии; возможно, в глубине души зрело предчувствие, что она не одна в этой темноте.

– Спенсер? – снова позвала Ария. Она протянула руку и тронула китайские колокольчики, чтобы услышать хоть какой-то звук. Колокольчики откликнулись мелодичным звоном.

Ария вернулась в амбар, когда очнулись Ханна и Эмили.

– Мне приснился самый странный сон, – пробормотала Эмили, протирая глаза. – Эли упала в глубокий колодец, и там были какие-то гигантские растения.

– Мне тоже это приснилось! – воскликнула Ханна. Они озадаченно смотрели друг на друга.

Спенсер тяжело поднялась на крыльцо, ошеломленная и растерянная.

– Где Эли? – спросили девочки.

– Я не знаю, – отстраненным голосом произнесла Спенсер и посмотрела вокруг. – Я думала… я не знаю.

К этому времени полароидные снимки, собранные с земли, перекочевали в карман. Но вдруг камера снова включилась, и вспышка осветила красную деревянную обшивку амбара. Выскочило очередное фото.

Щелк. Жжж.

Девочки уставились в окно, замерзшие и испуганные, как лани. Неужели там кто-то скрывался? Эли? Или, может быть, Мелисса или Йен? В конце концов, они только что были здесь.

Девочки замерли. Прошло две секунды. Пять. Десять. За окном стояла тишина. «Это просто ветер», – решили они. Или ветка скребла по стеклу, так же противно, как царапают ногтем по тарелке.

– Пожалуй, я пойду домой, – сказала Эмили подругам.

Девочки гуськом потянулись из амбара – недовольные, смущенные, потрясенные. Эли снова их кинула. Дружбе конец. Они направились через двор Спенсер, не догадываясь о надвигающемся кошмаре. Кто бы ни маячил под окном – тоже исчез, чтобы последовать за Эли по тропинке. Все пришло в движение. То, что должно было случиться, уже началось.

В течение нескольких часов Эли не стало.

1
Разбитый дом

Спенсер Хастингс потерла заспанные глаза и закинула в тостер органическую вафлю *Kashi*. На кухне пахло свежесваренным кофе, выпечкой и лимонным чистящим средством. Два лабрадудля, Руфус и Беатрис, вились у ее ног, виляя хвостами.

Крошечный ЖК-телевизор в углу был настроен на новостной канал. Корреспондентка в синей стеганой куртке от *Burberry* стояла рядом с начальником полиции Роузвуда и седовласым мужчиной в черном костюме. Заголовок репортажа гласил: *«Убийства в Роузвуде»*.

– Мой клиент обвинен безосновательно, – заявил мужчина в костюме. Государственный адвокат Уильяма Билли Форда – впервые после ареста Билли – выступал перед прессой. – Он совершенно невиновен. Его подставили.

– Конечно, – со злостью прошипела Спенсер. Ее рука чуть дрожала, пока она наливала кофе в голубую кружку с логотипом подготовительной школы Роузвуда. Спенсер нисколько не сомневалась, что именно Билли почти четыре года назад убил ее лучшую подругу – Элисон ДиЛаурентис. А теперь он убил Дженну Кавано – слепую девушку, одноклассницу Спенсер; вероятно, расправился и с Йеном Томасом – бывшим бойфрендом Мелиссы, тайной страстью Эли *и* первым обвиняемым в ее убийстве. Копы нашли в машине Билли окровавленную футболку, принадлежавшую Йену, и теперь искали его тело, хотя до сих пор не обнаружили никаких зацепок.

За окном прогромыхал мусоровоз, разворачиваясь в тупике у дома Хастингсов. В следующее мгновение точно такой же звук вырвался из динамиков телевизора. Спенсер прошла в гостиную и раздвинула шторы на фасадном окне. Вполне ожидаемо, у обочины припарковался фургон телевизионщиков. Оператор сновал между людьми, а другой парень, с гигантским микрофоном в руке, сражался с упрямым ветром. Спенсер видела, как репортер шевелит губами, и слышала закадровый голос.

Из окна открывался вид на задний двор Кавано, обнесенный желтой полицейской лентой. С момента убийства Дженны на подъездной дорожке дежурила патрульная машина. Собака-поводырь, огромная немецкая овчарка, выглядывала из окна гостиной. Вот уже две недели пес торчал на одном месте, как будто терпеливо ожидая возвращения Дженны.

Полиция обнаружила обмякшее, бездыханное тело Дженны в канаве позади дома. Как сообщалось, родители Дженны вернулись в субботу вечером, но дома никого не застали. Мистер и миссис Кавано услышали неистовый, безудержный лай собаки, доносившийся с задворок. Поводырь Дженны оказался привязанным к дереву… но след Дженны простыл. Когда они отвязали пса, он припустил прямиком к яме, которую водопроводчики вырыли несколько дней назад для ремонта лопнувшей трубы. Но в яме, помимо новенькой трубы, обнаружилось кое-что еще. Такое впечатление, будто убийца *хотел,* чтобы Дженну нашли.

Анонимный звонок привел полицию к Билли Форду. Копы предъявили ему обвинение и в убийстве Элисон ДиЛаурентис. Все казалось логичным – Билли работал в бригаде строителей, которая устанавливала беседку во дворе дома ДиЛаурентисов в тот уик-энд, когда исчезла Эли. Эли часто жаловалась на похотливые взгляды рабочих в ее сторону. Тогда Спенсер думала, что Эли просто хвастается. Теперь она знала, что произошло на самом деле. Тостер выплюнул поджаренную вафлю, и Спенсер поплелась обратно на кухню. Новости перекочевали в студию, где за длинным столом сидела брюнетка с крупными серьгами-кольцами.

– Полиция обнаружила серию обличительных снимков в ноутбуке мистера Форда, что и стало причиной его ареста, – могильным голосом вещала ведущая. – Эти фотографии дока-

зывают, что мистер Форд пристально следил за мисс ДиЛаурентис, мисс Кавано и четырьмя другими девушками, известными как «милые обманщицы».

На экране появился видеоряд из старых фотографий Дженны и Эли, многие из которых были сняты как будто бы украдкой – из-за дерева или из машины. Потом замелькали фото Спенсер, Арии, Эмили и Ханны. Некоторые снимки оказались давними, из седьмого класса, когда Эли была жива, но среди них попадались и более поздние – вот они в строгих темных платьях и на каблуках на судебных слушаниях по делу Йена, в ожидании его появления в зале суда. На другом снимке они, уже в шерстяных пальто, шапках и варежках, стоят у школьных качелей – видимо, обсуждая нового «Э». Спенсер поморщилась.

– В компьютере мистера Форда также найдены сообщения, которые соответствуют запискам с угрозами, отправленным бывшим лучшим подругам Элисон, – продолжала ведущая. Промелькнули фотография Даррена Вилдена у дверей исповедальни и куча знакомых электронных писем и мгновенных сообщений. Под каждой запиской стояла узнаваемая четкая буква «Э». Спенсер и ее подруги не получили ни одного сообщения со времени ареста Билли.

Спенсер сделала глоток кофе, почти не ощущая, как горячая жидкость обжигает горло. Как странно, что Билли Форд – человек, которого она вообще не знала, – стоял за всем, что случилось. Спенсер понятия не имела, *почему* он пошел на такое.

– Мистер Форд давно известен своей жестокостью, – рассказывала корреспондентка.

Спенсер выглянула из-за кружки с кофе. Видео с *YouTube* показывало нечеткое изображение Билли и парня в бейсболке с логотипом команды *Phillies* на парковке у супермаркета *Wawa*. Даже после того как парень упал на землю, Билли продолжал пинать его ногами. Спенсер поднесла руку ко рту, представляя, что Билли проделывает то же самое с Эли.

– А эти снимки, найденные в машине мистера Форда, мы показываем впервые.

На экране материализовалось размытое фото, сделанное фотоаппаратом *Polaroid*. Спенсер подалась вперед, ее глаза расширились. На снимке она увидела внутреннее помещение амбара – амбара *их семьи*, который сгорел в пожаре, устроенном Билли несколько недель назад, предположительно с целью уничтожения улик, доказывающих его причастность к убийствам Эли и Йена. На фотографии четыре девочки сидели на круглом ковре в центре комнаты, опустив головы. Пятая девочка стояла над ними, вскинув руки. Следующий снимок повторял ту же сцену, разве что стоявшая девочка сместилась чуть левее. На другом снимке одна из девочек, до этого сидевшая на ковре, поднялась и двинулась к окну. Спенсер узнала русые волосы и короткую хоккейную юбку. Она ахнула, когда поняла, что видит себя, совсем юную. Эти фотографии были сделаны в ту ночь, когда пропала Эли. Билли караулил возле амбара, наблюдая за ними.

А они ни о чем не догадывались.

У нее за спиной кто-то негромко кашлянул. Спенсер обернулась. Миссис Хастингс сидела за кухонным столом, безучастно уставившись в кружку с чаем «эрл грей». Она была одета в серые брюки для йоги от *Lululemon* с дырочкой на коленке, грязные белые носки и мешковатую футболку-поло *Ralph Lauren*. Волосы повисли неопрятными прядями, а к левой щеке прилипли хлебные крошки. Обычно мама Спенсер даже домашним питомцам не позволяла видеть ее неприбранной.

– Мама? – осторожно произнесла Спенсер, задаваясь вопросом, успела ли мама посмотреть полароидные снимки. Миссис Хастингс медленно повернула голову, словно двигалась под водой.

– Привет, Спенс, – сказала она бесцветным голосом и опять уткнулась в кружку, с несчастным видом разглядывая болтающийся на нитке чайный пакетик.

Спенсер подгрызла ноготь мизинца с французским маникюром. Ко всем прочим неприятностям ее мама вела себя как зомби… и Спенсер знала, что это целиком ее вина. Если бы только она не выболтала ужасный семейный секрет, в который ее посвятил Билли, он же «Э»:

оказывается, у ее отца давний роман с матерью Эли, и Эли приходится Спенсер сводной сестрой. Если бы только Билли не убедил Спенсер в том, что ее мама знала об этом и убила Эли в наказание мужу. Спенсер обрушилась на мать с обвинениями, но выяснилось, что мама ничего не знала – и, разумеется, никаких убийств не совершала. После этого миссис Хастингс выгнала отца Спенсер из дома, а потом и сама потеряла интерес к жизни.

Из холла донесся знакомый стук каблучков по полу из красного дерева. Сестра Спенсер, Мелисса, ворвалась на кухню, окутанная облаком аромата *Miss Dior*. В бледно-голубом платье-свитере от *Kate Spade*, серых «лодочках», с русыми волосами, зачесанными назад и прихваченными серым ободком, она держала под мышкой серебристый планшет с зажимом для бумаги, а за правым ухом у нее торчала авторучка *Montblanc*.

– Привет, мам! – радостно воскликнула Мелисса, целуя мать в лоб. Потом она окинула взглядом Спенсер, и ее рот вытянулся в прямую линию. – Привет, Спенс, – холодно сказала она.

Спенсер плюхнулась на ближайший стул. Благостные чувства – «как я рада, что ты жива!» – которые пылали в сердцах сестер в ту ночь, когда убили Дженну, длились ровно двадцать четыре часа. Теперь все вернулось на круги своя, и Мелисса обвиняла Спенсер в разрушении их семьи, выказывала полное пренебрежение и при каждом удобном случае старалась уколоть, а в довершение ко всему взяла на себя домашние заботы, снова превратившись в жеманную стерву и подхалимку.

Мелисса достала планшет и приготовилась записывать:

– Я собираюсь за покупками во *Fresh Fields*. Хочешь чего-нибудь вкусненького? – Она говорила таким громким голосом, словно обращалась к девяностолетней глухой старухе.

– О, даже не знаю, – угрюмо ответила миссис Хастингс. Она уставилась в свои раскрытые ладони, словно в них хранилась великая мудрость. – Ведь это неважно, не так ли? Мы едим пищу, потом она выходит из нас, и мы снова голодные. – Она встала, громко вздохнула и побрела вверх по лестнице в свою спальню.

Губы Мелиссы дернулись. Планшет ударился о ее бедро. Она взглянула на Спенсер и сузила глаза. «*Посмотри, что ты наделала*», – читалось в ее взгляде.

Спенсер отвернулась к длинному ряду окон, из которых открывался вид на задний двор. Голубоватые пластины льда посверкивали на дорожке. Остроконечные сосульки свисали с опаленных деревьев. От старого амбара, разрушенного пожаром, осталась куча черного дерева и золы. Ветряная мельница кое-как устояла, и на ее фундаменте по-прежнему выделялось слово *«УБИЙЦА»*.

Слезы подступили к глазам Спенсер. Всякий раз, когда она смотрела на задний двор, ей приходилось бороться с желанием убежать наверх, закрыться в своей комнате и свернуться калачиком под кроватью. Впервые в жизни отношения между Спенсер и ее родителями наладились – но все рухнуло, когда она разоблачила тайный роман отца. И сейчас Спенсер испытывала такое же чувство, как в тот первый раз, когда она попробовала домашнее мороженое со вкусом капучино из молочного магазина *Hollis,* – едва лизнув, она не устояла и умяла сразу весь рожок. Вкусив счастья достойной, любящей семьи, она уже не могла вернуться к статусу изгоя.

В телевизоре по-прежнему кипели страсти, и на экране появилась фотография Эли. Мелисса прислушалась на мгновение, когда корреспондентка прошлась по хронологии трагических событий.

Спенсер закусила губу. Они с Мелиссой еще не обсуждали новость о том, что Эли приходится им сводной сестрой. Теперь, когда Спенсер знала, что с Эли ее связывают родственные узы, все изменилось. Долгое время Спенсер ненавидела Эли, которая контролировала каждое ее движение, копила ее секреты. Но теперь все это не имело значения. Спенсер хотела только одного – вернуться в ту роковую ночь и спасти Эли от Билли.

Репортаж переместился в студию, где за высоким столиком восседали приглашенные эксперты, обсуждая судьбу Билли.

– Отныне никому нельзя доверять! – восклицала смуглая женщина в вишнево-красном деловом костюме. – Ни один ребенок не находится в безопасности.

– Секундочку. – Чернокожий мужчина с козлиной бородкой поднял руку, останавливая гостей студии. – Может быть, мы дадим мистеру Форду шанс? Человек невиновен, пока не доказана его вина, верно?

Мелисса схватила с рабочего столика черную лакированную сумку-хобо от *Gucci*.

– Не знаю, зачем они тратят время на пустые разговоры, – ледяным тоном произнесла она. – Он заслуживает того, чтобы сгнить в аду.

Спенсер с тревогой посмотрела на сестру. Еще один странный поворот: Мелисса вдруг обрела почти фанатичную уверенность в том, что Билли – убийца. Каждый раз, когда в новостях высказывались сомнения на этот счет, Мелисса приходила в ярость.

– Он отправится в тюрьму, – заверила ее Спенсер. – Все знают, что это его рук дело.

– Вот и хорошо. – Мелисса отвернулась, схватила из керамической вазочки возле телефона ключи от «Мерседеса», застегнула пуговицы клетчатого жакета от *Marc Jacobs*, который прикупила в универмаге *Saks* на прошлой неделе – похоже, крушение семьи расстроило ее не настолько, чтобы отказаться от шопинга, – и вышла из дома, хлопнув дверью.

Пока эксперты продолжали грызню в студии, Спенсер подошла к фасадному окну и наблюдала, как ее сестра выезжает задним ходом с подъездной дорожки. На губах Мелиссы блуждала странная улыбка, от которой по спине Спенсер пробежала дрожь.

Как ей показалось, Мелисса испытывала нечто похожее на… *облегчение.*

2
Секреты похоронены

Ария Монтгомери и ее бойфренд, Ноэль Кан, тесно прижавшись друг к другу, шли от школьной парковки к парадному входу. Как только они переступили порог, их обдало порывом теплого воздуха, но когда Ария перевела взгляд в сторону актового зала, кровь застыла в ее жилах. У самой двери, на длинном столе, стояла большая фотография Дженны Кавано.

Фарфоровая кожа Дженны светилась. На красных от природы губах играл намек на улыбку. Крупные солнцезащитные очки от *Gucci* скрывали ее незрячие глаза. «*Мы будем скучать по тебе, Дженна»,* – гласила надпись над портретом, выложенная буквами из золотистой фольги. Рядом располагались фотографии поменьше, цветы, другие памятные вещи и подарки. Кто-то положил даже пачку сигарет *Marlboro Ultra Light*, хотя Дженна явно была не из тех девчонок, которые курят.

У Арии вырвался слабый стон. Она слышала, что школа может соорудить мемориал в честь Дженны, но что-то в нем отдавало… *пошлостью.*

– Черт, – прошептал Ноэль. – Надо было зайти через другой вход.

Глаза Арии наполнились слезами. Казалось, только что Дженна была жива – Ария видела ее на вечеринке в доме Ноэля, смеющейся с Майей. И вот ее уже нет… о том, что произошло, даже подумать было страшно. Ария знала, что должна испытывать облегчение: по крайней мере, убийца Дженны арестован, убийство Эли раскрыто, и записки с угрозами «Э» больше не поступают, но ничто не могло изменить случившегося – погибла невинная девушка.

Ария не переставала задаваться вопросом, могли бы она и ее подруги предотвратить смерть Дженны. В свое время Билли-«Э» прислал Эмили давнее фото Дженны и Эли. Потом он направил Эмили к дому Дженны, где она увидела ссору Дженны и Джейсона ДиЛаурентиса. Выходит, он явно указывал на свою следующую жертву. А недавно Дженна маячила возле дома Арии и как будто хотела ей что-то сказать. Когда Ария окликнула ее, Дженна побледнела и быстро ушла. Может, она чувствовала угрозу со стороны Билли? И почему Ария не заподозрила неладное?

Какая-то девочка положила к мемориалу одинокую красную розу. Ария закрыла глаза. Она больше не хотела напоминаний о том, что сделал Билли. Только сегодня утром она видела репортаж об изъятых у него полароидных снимках, на которых запечатлен их ночной девичник в конце седьмого класса. Трудно поверить, что Билли находился так близко. За завтраком, пережевывая хлопья из киноа, она снова и снова перебирала в памяти события той ночи, пытаясь вспомнить что-нибудь еще. Может, слышала какие-то странные шорохи на крыльце или подозрительное дыхание под окном? Или заметила чей-то взгляд, наблюдающий за ними из-за стекла? Но, как она ни старалась, ничего нового вспомнить не могла.

Ария прислонилась к стене в дальнем конце вестибюля. Мальчишки столпились вокруг айфона, потешаясь над приложением, имитирующим спуск воды в унитазе. Шон Эккард и Кирстен Каллен сравнивали ответы в домашнем задании по тригонометрии. Дженнифер Тэтчер и Дженнингс Силвер обнимались рядом с мемориалом Дженны. Дженнифер задела бедром стол, опрокинув маленькую фотографию Дженны в сверкающей золотой рамке.

У Арии сжалось сердце. Она подошла к столу и поправила фотографию. Дженнифер и Дженнингс оторвались друг от друга и с виноватым видом посмотрели на нее.

– Имейте хоть немного уважения, – выговорила им Ария.

Ноэль коснулся ее руки.

– Пойдем, – мягко произнес он. – Нам лучше уйти отсюда.

Он увел ее из вестибюля в коридор. Школьники суетились у своих шкафчиков – вешали пальто, вытаскивали учебники. В дальнем углу *Shark Tones* – школьная акапельная группа – репетировала песню «Я услышал это через виноградную лозу» к предстоящему концерту. Брат Арии, Майк, и Мэйсон Байерс толкались возле питьевого фонтанчика.

Ария подошла к своему шкафчику и покрутила диск замка.

– Как будто никто даже и не помнит, что произошло, – пробормотала она.

– Может, это их способ самозащиты, – предположил Ноэль. Он накрыл ее руку своей ладонью. – Давай что-нибудь придумаем, чтобы отвлечь тебя.

Ария выпуталась из твидового пальто в «гусиную лапку», которое купила в комиссионке в Филадельфии, и повесила его на крючок в шкафчике.

– Что ты можешь предложить?

– Все, что ты захочешь.

Ария обняла его в порыве благодарности. От Ноэля пахло мятной жвачкой и лакричным деревцем, что болталось на зеркале заднего вида его «Кадиллака Эскалейд».

– Я не прочь сходить сегодня вечером в *Clio*, – предложила Ария, имея в виду новое, экзотическое кафе, открывшееся в центре Роузвуда. Горячий шоколад там подавали в кружках размером с бейсболку.

– Заметано, – ответил Ноэль. Но вдруг поморщился и крепко зажмурился. – Постой. Я не могу сегодня. У меня группа поддержки.

Ария кивнула. Ноэль потерял старшего брата, который покончил жизнь самоубийством, и теперь посещал занятия группы поддержки. После того как Ария и ее бывшие подруги увидели призрак Эли в ночь пожара в лесу Спенсер, Ария встречалась с медиумом, и та сказала: «*Эли убила Эли*». Это и натолкнуло Арию на мысль, что Эли тоже могла покончить с собой.

– И как, помогает? – спросила она.

– Думаю, что да. Слушай… – Ноэль щелкнул пальцами, увидев что-то в другом конце коридора. – А почему бы нам не пойти на это?

Он указывал на ярко-розовый плакат, усеянный черными силуэтами танцующих детей, как в некогда популярной рекламе айпода. Но вместо моделей *Nano* и *Touch* они держали в руках маленькие белые сердечки. «НАЙДИ СВОЮ ЛЮБОВЬ НА ТАНЦАХ В ЧЕСТЬ ДНЯ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА В ЭТУ СУББОТУ», – зазывала надпись, оформленная блестящими красными буквами.

– Что ты на это скажешь? – В выражении лица Ноэля угадывалась какая-то трогательная уязвимость. – Хочешь пойти со мной?

– О! – вырвалось у Арии. Честно говоря, она мечтала пойти на танцы в честь Дня святого Валентина еще с тех пор, как Тиган Скотт, милый девятиклассник, пригласил Эли в седьмом классе. Ария и другие девочки собирали Эли, как Золушку на бал. Ханна отвечала за завивку волос, Эмили помогала Эли втиснуться в платье с юбкой-пачкой, а Арии предоставили честь застегнуть на шее Эли цепочку с бриллиантовым кулоном, которую миссис ДиЛаурентис одолжила дочери на вечер. Потом Эли хвасталась перед подругами, расписывая свой чудо-букетик на запястье, потрясающую музыку диджея и то, как фотограф ходил за ней по пятам, уверяя, что она самая красивая девушка в зале. *Как обычно.*

Ария смущенно посмотрела на Ноэля.

– А что? Может, будет весело.

– Определенно будет весело, – поправил ее Ноэль. – Я обещаю. – Взгляд его пронзительных голубых глаз смягчился. – И, знаешь, люди из «игрека»[1] набирают новую группу поддержки в горе. Может, тебе стоит сходить?

---

[1] Y – «игрек» – сокращенное обозначение Ассоциации молодых христиан (Young Men's Christian Association) и Ассоциации молодых христианок (Young Women's Christian Association).

– О, даже не знаю, – неопределенно сказала Ария и посторонилась, чтобы не мешать Джемме Каррен, которая пыталась засунуть в соседний шкафчик футляр от скрипки. – Меня не особо привлекает групповая терапия.

– Просто подумай об этом, – посоветовал Ноэль.

Он наклонился, чмокнул Арию в щеку и ушел. Ария смотрела ему вслед, пока он не скрылся на лестнице. Психотерапевтическая помощь – это не выход. В январе они с подругами встречались с психологом по имени Марион, пытаясь отпустить прошлое, связанное с Эли, но это лишь усугубило проблему.

По правде говоря, некоторые мелкие нестыковки и вопросы, оставшиеся без ответа, до сих пор беспокоили Арию, и она не могла избавиться от навязчивых мыслей. Скажем, как Билли удалось узнать так много о ней и ее подругах – вплоть до самых темных секретов семьи Спенсер. Или что имел в виду Джейсон ДиЛаурентис, когда на кладбище, после того как Ария обвинила его в том, что он лечился в психиатрической клинике, сказал ей: «*Ты все неправильно поняла*». Но *что* Ария не так поняла? Джейсон, очевидно, находился на амбулаторном лечении в Рэдли, психбольнице, ныне переоборудованной в шикарный отель. Эмили нашла его имя в старых журналах регистрации пациентов.

Ария захлопнула дверцу шкафчика. Она направилась по коридору, когда вдруг услышала отдаленный смешок – *тот самый,* что преследовал ее с тех пор, как она начала получать записки от «Э». Ария огляделась по сторонам, чувствуя, как сильно колотится сердце. Школьные коридоры постепенно пустели, все расходились по классам. Никто не обращал на нее никакого внимания.

Дрожащими руками Ария полезла в сумку из меха яка и вытащила мобильник. Она кликнула иконку конверта, но никаких новых текстовых сообщений не поступало. Стало быть, и никаких намеков от «Э».

Она вздохнула. Конечно, глупо было ожидать записок от «Э» – ведь Билли находился под стражей. И все подсказки «Э», в конечном счете, только вводили в заблуждение. Дело закрыто. А значит, ни к чему ломать голову над всякой несуразицей. Ария бросила телефон обратно в сумку и вытерла потные ладони о блейзер.

– *«Э» больше нет*, – сказала она себе. Может, если повторять это чаще, удастся и поверить.

3
Ханна и Майк, убойная парочка

Ханна Марин сидела за угловым столиком в *Steam*, шикарном кофе-баре роузвудской школы, в ожидании своего бойфренда – Майка Монтгомери. Только что начался последний урок, но для них обоих посещение этого предмета было свободным. Готовясь к сегодняшнему мини-свиданию, Ханна пролистала последний каталог *Victoria's Secret* и отметила несколько страничек. Они с Майком соревновались, угадывая, у кого из девушек-моделей силиконовые сиськи. Когда-то Ханна играла в похожую игру со своей теперь уже покойной лучшей подругой, ставшей маньяком-убийцей, – Моной Вондервол, но с Майком это получалось куда *более* забавно. С Майком *вообще* было веселее. Парни, с которыми Ханна встречалась в прошлом, либо оказывались слишком стыдливыми, чтобы пялиться на полуобнаженных девушек, либо считали зазорным высмеивать других. К счастью, Майк, будучи членом школьной сборной по лакроссу, превосходил по популярности всех – даже Шона Эккарда, который ударился в нравоучения с тех пор, как расстался с Арией, и вновь заявил о своей преданности Клубу девственников.

Айфон Ханны ожил колокольным звоном. Она вытащила его из розового кожаного чехла. На экране отразилось новое письмо от Джессики Барнс, местного репортера. Она все рыскала в поисках горячих новостей, чтобы состряпать еще одну историю про Билли Форда. «*Как тебе заявление адвоката о невиновности Билли? Что скажешь по поводу полароидных снимков вашей четверки в ночь исчезновения Элисон? Твитни мне! Дж.*».

Ханна удалила сообщение, не собираясь отвечать. Идея невиновности Билли казалась бредовой. Адвокаты, наверное, *вынуждены* говорить такое о своих клиентах, даже если те – полные отморозки.

Ханне нечего было сказать и насчет полароидных снимков, сделанных в ночь исчезновения Эли. Ей хотелось забыть тот ночной девичник и не вспоминать о нем до конца своих дней. Всякий раз, когда она осмеливалась задуматься об убийствах Эли, Йена или Дженны – как *и* о том, что Билли преследовал каждую из них, – сердце билось быстрее, чем в техноритме. Что, если бы копы не поймали Билли? Могла ли она стать следующей жертвой?

Ханна оглядела школьный коридор, мысленно призывая Майка поторопиться. Возле шкафчиков ребятня возилась со своими «блэкберри». Какой-то чокнутый десятиклассник строчил на руке шпаргалки, видимо, готовясь к контрольной на следующем уроке. Наоми Зиглер, Райли Вульф и будущая сводная сестра Ханны, Кейт Рэндалл, стояли возле большого, написанного маслом, портрета Маркуса Веллингтона – одного из основателей школы. С блестящими волосами, в укороченных юбках, похожих лоферах от *Tod's* и узорчатых колготках от *J. Crew,* они заливисто хохотали, но Ханна не могла разглядеть, что их так рассмешило.

Ханна разгладила новенький шелковый топ от *Nanette Lepore,* который купила вчера в *Otter,* своем любимом бутике в молле *King James,* и пробежалась пальцами по всей длине выпрямленных темно-рыжих волос – сегодня утром она сходила на укладку в спа-салон *Fermata*. Выглядела она сногсшибательно и гламурно – уж точно не как девчонка, побывавшая в психушке. И не как слабачка, которую третировала душевнобольная соседка по палате, Айрис, или как хулиганка, просидевшая пару часов за решеткой всего две недели назад. Одним словом, она была не из тех, кого можно игнорировать или подвергать травле.

Но, несмотря на безупречную внешность, Ханне пришлось пережить все эти неприятные события. Отец предупредил Кейт, что ее ждут огромные неприятности, если хоть кто-то узнает о пребывании Ханны в интернате психиатрической клиники Эддисон-Стивенс. Ханну отправил туда Билли-«Э», убедив мистера Марина, что только там ей обеспечат надлежащее

лечение посттравматического стрессового расстройства. Однако все договоренности пошли прахом, когда фотография Ханны в клинике появилась на страницах журнала *People*. Путешествие в «дурку» тотчас превратило Ханну в социальную парию, и о королевском статусе пришлось забыть. Вскоре после возвращения Ханны в школу на ее шкафчике появилась надпись: «*ПСИХ*». Потом к ней на страницу в *Facebook* заглянула некая Ханна Псих Марин с просьбой добавить ее в друзья. Разумеется, у самой Ханны Псих Марин друзей вообще не было.

Когда Ханна пожаловалась отцу – она знала, что за этими проделками стоит Кейт, – он лишь пожал плечами и сказал: «Я не могу заставить вас подружиться».

Ханна встала из-за столика, снова поправила одежду и стала пробираться сквозь толпу, усиленно работая локтями. К Наоми, Райли и Кейт присоединились Мэйсон Байерс и Джеймс Фрид. К великому удивлению Ханны, с ними оказался и Майк.

– Это *неправда*! – возмущался он. По его лицу и шее расплывались розовые пятна.

– Против фактов не попрешь, чувак. – Мэйсон закатил глаза. – Я *знаю,* это твой шкафчик. – Он повернул экран своего айфона в сторону Наоми, Кейт и Райли. Они застонали и взвизгнули.

Ханна сжала руку Майка.

– Что здесь происходит?

Серо-голубые глаза Майка округлились.

– Кто-то прислал Мэйсону фото моего шкафчика в спортивной раздевалке, – смущенно произнес он. – Но это не мое, клянусь.

– Еще бы, со следами какашек, – поддразнил Джеймс.

– *Засеря,* – съязвила Наоми. Все захихикали.

– Что не твое? – Ханна мельком взглянула на Наоми, Райли и Кейт. Они по-прежнему таращились в айфон Мэйсона. – О чем речь? – твердо повторила она.

– У кого-то легкое недержание, – запричитала Райли. Парни загоготали, подталкивая друг друга локтями.

– *Я* здесь ни при чем, – возмутился Майк. – Это подстава, кто-то хочет мне нагадить.

Мэйсон фыркнул:

– Скорее, ты *сам себе* нагадил.

Все снова захихикали. Ханна выхватила айфон из рук Мэйсона. На экране высвечивалась фотография шкафчика в раздевалке спортзала. Ханна узнала висевшую на крючке голубую толстовку Майка от *Ralph Lauren*, на верхней полке стоял плюшевый петух от *Kellogg's Cornflakes* – его талисман удачи. А впереди крупным планом были засняты белые трусы-боксеры *D&G*, перепачканные чем-то… коричневым.

Она медленно отпустила руку Майка и отошла в сторону.

– Я даже *не ношу* нижнее белье от *D&G*. – Майк ударил по экрану, пытаясь удалить фотографию.

Наоми заверещала:

– Фу, Мэйсон, Засеря прикоснулся к твоему телефону!

– Нужен антисептик! – завопил Джеймс.

Мэйсон забрал телефон у Ханны и брезгливо зажал его большим и указательным пальцами.

– Фу. Микробы от Засери!

– Микробы от Засери! – эхом откликнулись мальчишки. Две хрупкие блондинки-девятиклассницы, стоявшие напротив, зашептались и стали показывать пальцами. Одна из них принялась фотографировать на телефон.

Ханна сурово посмотрела на Мэйсона.

– Кто прислал тебе это фото?

Мэйсон сунул руки в карманы брюк в тонкую полоску.

– Обеспокоенный гражданин. Номер мне не знаком.

Перед глазами Ханны задрожал и расплылся висевший на стене плакат с рекламой предстоящего французского кулинарного фестиваля. Она бы не удивилась, узнав о том, что фотографию Мэйсону прислал «Э». Но «Э» – это же Билли… а он арестован.

– Ты мне веришь? – Майк снова схватил руку Ханны.

– Ой, они держатся за руки! – Райли подтолкнула локтем Наоми. – Засеря нашел девушку, которую не смущают его грязные трусы!

– Чем не сладкая парочка? – хихикнула Кейт. – Засеря и Псих!

Компания взорвалась ядовитым хохотом.

– Я не псих! – воскликнула Ханна, и ее голос треснул.

Смех не смолкал. Ханна беспомощно огляделась вокруг. Со всех сторон на нее глазели школьники. Даже учительница-практикантка высунулась из кабинета науки о Земле и наблюдала за происходящим с благодушным любопытством.

– Валим отсюда, – пробормотал Майк Ханне на ухо. Он развернулся и побежал по коридору. Шнурок развязался на его кроссовке, но он даже не остановился. Ханна хотела последовать за ним, но ноги будто приросли к полированному мраморному полу. Смешки множились.

Это было хуже того раза, когда Эли, Наоми и Райли обзывали Ханну в пятом классе «жиртрестом» на уроках физкультуры, по очереди тыкая ее пальцами в живот, как «пекаренка *Pillsbury*»[2]. И куда хуже момента, когда Мона Вондервол, якобы ее лучшая подруга, прислала Ханне платье фрейлины на шесть размеров меньше, которое треснуло на заднице, как только она появилась в нем на дне рождения Моны. Майк претендовал на звание самого популярного парня школы. *Она* считала себя самой популярной девчонкой. И теперь оба они стали… фриками.

Ханна пронеслась через вестибюль и выскочила на улицу. Зябкий февральский воздух обжигал лицо, яростно трепал флаги на флагштоках посреди лужайки. Они уже не были приспущены, но на земле остались цветы, возложенные в память о Дженне и Эли. Школьные автобусы кряхтели на подъездной дорожке и урчали на обочине, готовые к вечерним рейсам. Парочка ворон сидела, сгорбившись, под раскидистой ивой. Темная тень скользнула в высокие заросли кустарников.

Мурашки пробежали по рукам Ханны, когда у нее перед глазами всплыла злосчастная фотография в журнале *People*. Сумасшедшая соседка, Айрис, сфотографировала ее в потайной комнате на чердаке, стены которой были разрисованы каракулями бывших пациентов. Прямо над головой Ханны, в жутковатой близости к ее лицу, оказался огромный портрет, в котором безошибочно угадывалась *Эли.* Девушка выглядела зловещей и… живой. «*Я знаю то, чего не знаешь ты*, – казалось, говорила нарисованная Эли. – *И я храню этот секрет*».

Вдруг кто-то постучал Ханну по плечу. От неожиданности она вскрикнула и резко обернулась. Эмили Филдс испуганно попятилась назад, прикрывая лицо руками.

– Извини!

Ханна пробежалась пальцами по волосам, судорожно глотая воздух.

– *Боже,* – застонала она. – Больше никогда так *не делай*.

– Я искала тебя, – сказала Эмили, переводя дыхание. – Меня только что вызывали в администрацию. Звонила мама Эли.

– Миссис ДиЛаурентис? – Ханна сморщила нос. – С чего вдруг она беспокоит тебя в школе?

Эмили потерла замерзшие руки.

---

[2] Рекламный персонаж (товарный знак) мукодельной компании Pillsbury, используемый с 1965 года: улыбающийся подмастерье пекаря в поварском колпаке.

– У них дома сейчас проходит пресс-конференция. Миссис ДиЛаурентис хочет, чтобы мы все там были. Она сказала, что у нее для нас какая-то важная новость.

Ледяная дрожь пробежала по спине Ханны.

– *Что* это может быть?

– Не знаю. – Эмили смотрела на нее широко распахнутыми глазами, и на ее бледной коже отчетливо выделялись веснушки. – Но нам лучше туда пойти. Пресс-конференция уже начинается.

4
Сногсшибательная блондинка

Зимнее солнце зависло над самой линией горизонта. Эмили, устроившись на пассажирском сиденье *«Тойоты Приус»* Ханны, наблюдала, как проносится за окном Ланкастер-авеню. Они мчались в Ярмут, где временно поселились ДиЛаурентисы. Со Спенсер и Арией договорились встретиться на месте.

– Здесь направо, – подсказала Эмили, сверяясь с маршрутом, который дала миссис ДиЛаурентис. Они въехали в предместье «Дэрроу Фармз». Судя по всему, когда-то здесь находилась настоящая ферма с зелеными холмами и широкими полями для посевов и пастбищ, но застройщик поделил землю на участки, где теперь стояли огромные одинаковые дома с каменными фасадами, черными ставнями и молодыми японскими кленами во дворе.

Найти дом ДиЛаурентисов не составило труда – у обочины уже гудела толпа, во дворе соорудили большой подиум, всюду сновали полчища кинооператоров, репортеров и продюсеров. Фаланга копов с устрашающими черными кобурами на поясе дежурила у крыльца ДиЛаурентисов. Толпу создавали в основном журналисты, но среди них, разумеется, затесались и обычные зеваки – Эмили заметила у секвойи Лэйни Айлер и Джемму Каррен, пловчих из ее команды. Сестра Спенсер, Мелисса, притаилась рядом с внедорожником *«Мерседес»*.

– Вау, – прошептала Эмили. Слухи разлетелись с завидной скоростью. Видимо, намечалось что-то грандиозное.

Эмили захлопнула дверь машины и двинулась вместе с Ханной в сторону толпы. Она забыла захватить варежки, и пальцы онемели и распухли от холода. После смерти Дженны она вообще стала рассеянной, плохо спала по ночам и почти ничего не ела.

– Эм?

Эмили обернулась и дала знак Ханне, что догонит ее. Майя Сен-Жермен протиснулась рядом с парнем в зимней шапке с логотипом команды *Phillies*. Майя была в черном шерстяном пальто, полосатой рубашке, черных джинсах и черных кожаных полусапожках. Ее вьющиеся волосы были собраны сзади черепаховой заколкой, а губы покрыты гигиенической помадой с вишневым ароматом. Эмили углядела желтый комочек банановой жвачки у нее во рту, и это напомнило ей о первом поцелуе с Майей.

– Привет, – с опаской произнесла Эмили. Они с Майей не ладили с тех пор, как Майя застукала Эмили целующейся с другой девушкой.

У Майи задрожала губа, и она расплакалась.

– Я очень сожалею, – пробормотала она, закрывая лицо. – Это так тяжело. Не могу поверить, что Дженна…

Эмили почувствовала укол совести. В последнее время она часто видела Майю и Дженну вместе – в коридорах школы, в атриуме молла *King James*, даже на недавнем соревновании по плаванию, в котором участвовала Эмили.

Едва уловимое движение в окне дома ДиЛаурентисов отвлекло Эмили. Ей показалось, что кто-то приоткрыл и тотчас отпустил занавеску. Она задалась вопросом, не Джейсон ли это. Но тут она заметила его на лужайке, уткнувшегося в сотовый телефон.

Она снова повернулась к Майе, которая доставала из рюкзака цвета хаки полиэтиленовый пакет с логотипом супермаркета *Wawa*.

– Я хотела отдать тебе кое-что, – сказала Майя. – Это нашли рабочие, когда расчищали лес после пожара. Они решили, это мое, но я помню, что видела его у тебя в комнате.

Эмили полезла в пакет и достала оттуда розовый лакированный кошелек для мелочи. Она сразу узнала выбитый вензель *«Э»* и бледно-розовую молнию застежки.

– О боже, – выдохнула она. Кошелек подарила ей Эли в шестом классе. И это была одна из памятных вещиц Эли, которые Эмили и ее подруги захоронили на заднем дворе Спенсер перед судом над Йеном. Психолог утверждала, что ритуал захоронения поможет им оправиться от смерти Эли, но Эмили все равно очень скучала по этому кошельку.

– Спасибо. – Она прижала его к груди.

– Не за что. – Майя закрыла рюкзак и закинула его на плечо. – Ладно, пошла, мне надо быть рядом с предками. – Она махнула рукой в сторону толпы. Мистер и миссис Сен-Жермен стояли у почтового ящика ДиЛаурентисов и выглядели немного потерянными.

– Пока. – Эмили отвернулась. Ханна уже присоединилась к Спенсер и Арии возле ограждения. Эмили не видела своих старых подруг со дня похорон Дженны. Тяжело сглотнув, она начала проталкиваться вперед, пока не оказалась рядом с ними.

– Привет, – негромко сказала она Спенсер.

Спенсер беспокойно посмотрела на Эмили.

– Привет.

Ария и Ханна пожали плечами в знак приветствия.

– Как вы? – спросила Эмили.

Ария затеребила бахрому длинного черного шарфа. Ханна уставилась в айфон, так ничего и не ответив. Спенсер закусила нижнюю губу. Судя по всему, никто из них не испытывал радости от встречи. Эмили повертела в руках кошелек из лакированной кожи, надеясь, что кто-нибудь из бывших подруг узнает его. Ей до смерти хотелось поговорить с ними об Эли, но что-то незримо стояло между подругами, с тех пор как нашли тело Дженны. Такое уже было после исчезновения Эли – казалось, им гораздо проще игнорировать друг друга, чем ворошить страшные воспоминания.

– Как вы думаете, что все это значит? – Эмили снова попыталась завязать разговор.

Ария достала из сумочки вишневую гигиеническую помаду и намазала губы.

– Это ведь тебе звонила миссис ДиЛаурентис. Разве она тебе не сказала?

Эмили покачала головой.

– Она так быстро повесила трубку. Я даже не успела ни о чем расспросить.

– Может, это как-то связано с тем, что Билли клянется в невиновности? – Ханна откинулась на ограждение, и оно слегка зашаталось.

Ария содрогнулась.

– Я слышала, его адвокат хочет развалить дело, потому что копы не могут найти ни одного следа, оставленного Билли на заднем дворе дома Дженны. У них нет никаких физических доказательств его присутствия на месте преступления.

– Это смешно, – сказала Спенсер. – У него обнаружены наши фотографии, все эти записки от «Э»…

– Но не кажется ли вам странным, что убийцей оказался Билли? – спросила Ария, понизив голос. Она ковыряла сухую кожицу на большом пальце. – Он выплыл из ниоткуда.

Ветер сменил направление, и потянуло резким запахом коровьего навоза с соседней фермы. Эмили не могла не согласиться с Арией; она почти не сомневалась в том, что убийцей Эли в конечном счете окажется кто-то из знакомых, кто так или иначе связан с ее жизнью. Этот парень Билли, случайный незнакомец, каким-то странным образом проник в их самые глубокие, темные тайны. «Да, теоретически такое возможно», – рассуждала Эмили.

– Мона Вондервол нарыла тонны грязных секретов Эмили и остальных, просто прочитав выброшенный дневник Эли.

– Я тоже об этом думала. – Ханна зябко поежилась. – Но это наверняка он. Надеюсь, они упекут его за решетку навсегда.

В микрофоне на трибуне послышался скрежет обратной связи, и Эмили вскинула голову. Миссис ДиЛаурентис, в атласном черном платье-футляре, коричневой норковой накидке и

черных «лодочках», вышла из дома. Она вертела в руках пачку блокнотных листков. Рядом с ней шел ее муж, показавшийся Эмили еще более изможденным и носатым. Эмили заметила, что среди копов нарисовался и офицер Даррен Вилден, который стоял, сложив руки на груди. Эмили поморщилась. Может, Вилден и не убивал свою бывшую девушку из амишей[3], но все-таки что-то в нем настораживало. Вилден не верил в существование нового «Э», даже после того, как они показали ему угрожающие послания. И он слишком поспешно отмахнулся от их заверений в том, что они видели Эли во время пожара, взяв с Эмили и ее подруг обещание помалкивать об этом.

Толпа притихла. Защелкали фотовспышки.

– Камера, – прошептал продюсер рядом с Эмили.

На лице миссис ДиЛаурентис промелькнула жалкая улыбка.

– Спасибо, что пришли, – сказала она. – Последние четыре года были очень трудными и мучительными для всей нашей семьи, но мы получили огромную поддержку. Я хочу, чтобы все знали, что мы держимся, и для нас стало большим облегчением известие о том, что наконец-то арестован убийца нашей дочери.

Раздались редкие аплодисменты. Мама Эли продолжала:

– В Роузвуде случились две трагедии, унесшие жизни двух очень красивых невинных девушек. Я бы хотела, чтобы мы все почтили память моей дочери и Дженны Кавано минутой молчания. – Она оглядела толпу и отыскала взглядом родителей Дженны, которые стояли в неприметном местечке за дубом. Мама Дженны плотно сжимала губы, как будто изо всех сил старалась сдержать рыдания. Отец Дженны упрямо смотрел под ноги, уставившись на серебристую обертку от жвачки.

Эмили услышала всхлип в толпе, а потом громко каркнула ворона. Засвистел ветер, раскачивая голые ветки деревьев. Когда она посмотрела на окно дома ДиЛаурентисов, там снова колыхнулась занавеска.

Миссис ДиЛаурентис откашлялась.

– Но это не единственная причина, побудившая меня созвать всех вас сюда, – читала она по бумажке. – Долгое время наша семья строго хранила секрет, главным образом – по соображениям безопасности. Мы думаем, что пришла пора рассказать правду.

Эмили почувствовала, как мотылек вспорхнул у нее в животе. *Правду?*

У миссис ДиЛаурентис дрогнули губы. Она сделала глубокий вдох.

– Правда заключается в том, что у нас есть еще один ребенок. Который рос не в нашем доме в силу того, что… – Она помолчала, нервно потирая нос. – …Одним словом, из-за проблем со здоровьем.

Толпа зароптала. Мысли ураганом закружились в голове у Эмили. *Что* сказала миссис ДиЛаурентис? Она схватила Арию за руку. Ария в ответ сжала ее руку.

Миссис ДиЛаурентис старалась перекричать нарастающий гул толпы:

– Недавно нашу дочь выписали из клиники с положительным заключением о состоянии здоровья, но мы хотели оградить ее от общественного внимания, пока истинный убийца ее сестры не окажется за решеткой. Благодаря офицеру Вилдену и его команде теперь это стало возможным.

Она кивнула Вилдену, и тот скромно опустил голову. Несколько человек захлопали. Эмили ощутила во рту привкус сэндвича с арахисовым маслом и медом, который съела на обед. *Дочь?*

---

[3] Консервативная секта меннонитов, названная по имени основателя, священника Якоба Аммана. В 1714 году члены секты переселились на территорию современной Пенсильвании. Буквальное толкование Библии запрещает им пользоваться электричеством, автомобилями и т.п. Амиши носят старомодную одежду с крючками вместо пуговиц, пользуются плугом в земледелии, строго соблюдают день отдохновения.

– Итак, мы думаем, что настало время представить ее всем вам. – Миссис ДиЛаурентис обернулась и дала отмашку тем, кто находился в доме. Открылась передняя дверь. Оттуда вышла девушка.

Розовый кошелек выскользнул из пальцев Эмили.

– *Что?* – вскрикнула Ария, отпуская руку Эмили. Спенсер схватилась за плечо Эмили, а Ханна едва не рухнула на ограждение.

На крыльце стояла светловолосая девушка с фарфоровой кожей и лицом в форме сердца. Ее глубокие голубые глаза тотчас отыскали Эмили. Их взгляды встретились, и девушка подмигнула. Эмили почувствовала, что ее тело превращается в кашу.

– Эли? – одними губами произнесла она.

Миссис ДиЛаурентис наклонилась к микрофону.

– Это Кортни, – объявила она. – Сестра-близнец Элисон.

5
Когда казалось, что большего безумия не придумать

Ропот перерос в рев, остервенело защелкали фотоаппараты. Куча людей бросилась судорожно строчить сообщения.

– Близнец? – слабым голосом вымолвила Спенсер. У нее безудержно тряслись руки.

– О боже, – пробормотала Ария, хватаясь за лоб. Эмили растерянно хлопала глазами, как будто не верила, что видит девушку наяву. Ханна вцепилась в руку Эмили.

Многие поворачивались и глазели на Арию, Эмили, Спенсер и Ханну.

– Они *знали*? – прошептал кто-то.

У Спенсер отчаянно билось сердце, словно колибри в клетке. Она уж точно *не знала.* Эли многое скрывала от нее – тайные отношения с Йеном, секретную дружбу с Дженной, причину неожиданного разрыва с Наоми и Райли, которых она променяла на Спенсер и других в шестом классе, – но все это меркло на фоне сестры-близнеца.

Она уставилась на блондинку, стоявшую на крыльце. Сестра Эли казалась выше ростом, и волосы у нее были чуть темнее, чем у Эли, а лицо поуже, но в остальном она почти не отличалась от бывшей лучшей подруги Спенсер. В черных леггинсах, черных балетках, мешковатой синей рубашке на пуговицах и укороченной белой куртке, с полосатым шарфом, завязанным петлей на шее, светлыми волосами, убранными в низкий пучок, яркими губками бантиком и глазами-сапфирами, она выглядела как французская топ-модель.

Краем глаза Спенсер заметила, что ее сестра, Мелисса, пробирается сквозь толпу. Обогнув шеренгу полицейских, она подошла к Джейсону ДиЛаурентису и зашептала ему на ухо. Джейсон побледнел, повернулся к Мелиссе и что-то сказал в ответ.

Неприятное ощущение разлилось в животе Спенсер. Почему Мелисса здесь? И что она делает? Спенсер не видела, чтобы Мелисса и Джейсон общались с тех пор, как оба закончили школу.

Мелисса вытянула шею и уставилась на Кортни. Та заметила ее пристальный взгляд и вздрогнула. Улыбка на губах потухла.

Что за *чертовщина*?

– Как вы относитесь к заявлению Уильяма Форда о его невиновности? – выкрикнул голос из толпы, отвлекая внимание Спенсер. Вопрос задала высокая блондинка-репортер из первого ряда.

Миссис ДиЛаурентис поджала губы.

– Я думаю, что это возмутительно. Доказательства его вины налицо.

Спенсер снова повернулась к Кортни. У нее кружилась голова. Происходящее выглядело в высшей степени *странным.* Кортни перехватила ее взгляд, а потом скользнула глазами по лицам других девушек. Убедившись, что ее заметили, она кивнула в сторону боковой двери дома.

Эмили напряглась.

– Она хочет, чтобы мы?..

– Да вряд ли, – сказала Спенсер. – Она ведь нас даже не знает.

Кортни наклонилась и что-то шепнула матери на ухо. Миссис ДиЛаурентис кивнула и улыбнулась толпе.

– Моя дочь немного ошеломлена таким вниманием. Она покинет нас ненадолго, ей нужно отдохнуть.

Кортни повернулась к двери. Прежде чем скрыться в доме, она оглянулась через плечо и подняла бровь.

– Мы должны идти? – с тревогой спросила Ханна.

– *Нет!* – вырвалось у Арии в тот же миг, когда Эмили воскликнула: – Да!

Спенсер нервно покусывала мизинец.

– Надо узнать, чего она хочет. – Она схватила Арию за руку. – Пошли.

Они прошмыгнули мимо дома, обогнули переросший куст остролиста и юркнули в окрашенную алой краской боковую дверь.

Огромная кухня благоухала гвоздикой, оливковым маслом и освежителем воздуха *Febreze*. Один из стульев стоял под странным углом, как будто на нем только что сидели. Спенсер узнала керамические банки для муки и сахара от *Delft*, которые стояли у микроволновки и перекочевали сюда из старой кухни ДиЛаурентисов. На дверце холодильника висел начатый кем-то список покупок. «*Желе. Соленья. Французский хлеб*».

Когда из коридора появилась Кортни, на ее до жути знакомом лице блуждала улыбка, и Спенсер почувствовала, что ноги стали ватными. Ария пискнула.

– Обещаю, что не буду кусаться, – сказала Кортни. Ее голос звучал в точности, как у Эли – хрипловато и соблазнительно. – Я хотела встретиться с вами наедине, прежде чем начнется настоящий дурдом.

Спенсер нервно закручивала свои русые волосы в конский хвост, не в силах оторвать глаз от девушки. Казалось, будто Эли выползла из ямы на своем старом дворе, вернулась в собственную оболочку и снова стала живой и невредимой.

Девушки, не моргая, смотрели друг на друга широко распахнутыми глазами. Часы на микроволновке отстучали минуту и показывали уже не 3.59, а 4.00.

Кортни взяла с рабочего стола желтую вазочку с солеными крендельками и подошла ближе.

– Девчонки, вы ведь когда-то были лучшими подругами моей сестры, верно? Спенсер, Эмили, Ханна, Ария? – Она по очереди показывала на каждую.

– Да. – Спенсер ухватилась пальцами за спинку стула, вспоминая, как в шестом классе она, Ария, Ханна и Эмили пробрались на задний двор дома Эли в надежде украсть ее кусочек флага для «Капсулы времени». Эли – в розовой футболке и босоножках на танкетке – вышла на крыльцо и застукала их. Сообщив девочкам, что они опоздали – флаг уже кто-то украл, – она указала на Спенсер и спросила: «Ты – Спенсер, верно?» После чего заставила остальных представиться, делая вид, будто она слишком популярна, чтобы помнить их имена. Тогда впервые Эли заговорила с ними, а неделю спустя они стали для нее новыми лучшими подругами.

– Эли мне рассказывала о тебе. – Кортни предложила девушкам крендельки, но все отказались от угощения. Спенсер даже думать не могла о еде. В животе и без того творилось бог знает что. – Но она никогда не рассказывала вам обо мне, я угадала?

– Н-нет, – хрипло произнесла Эмили. – Ни разу.

– Тогда могу себе представить, насколько странно все это выглядит, – сказала Кортни.

Спенсер начала возиться с корковыми подставками под стаканы с надписью «ВРЕМЯ МАРТИНИ!», оформленной большими буквами в стиле пятидесятых.

– Так… где ты была? В больнице или где-то еще? – спросила Ария.

Не сказать, чтобы Кортни выглядела больной. Ее кожа излучала сияние, словно подсвеченная изнутри. Светлые волосы блестели, как будто их каждый час обрабатывали бальзамом. Спенсер вгляделась в лицо Кортни, и ее словно током ударило: если Эли приходится ей сводной сестрой, значит, и с этой девушкой они тоже сестры. Она вдруг остро осознала, насколько Кортни похожа на мистера Хастингса… и Мелиссу… *и* Спенсер. У Кортни были длинные тонкие пальцы ее отца, такой же аккуратный нос, небесно-голубые глаза Мелиссы и та же ямочка на правой щеке, что и у Спенсер. У бабушки Хастингс тоже была такая ямочка. Удивительно, что Спенсер не замечала этого сходства при жизни Эли. Впрочем, тогда она еще не знала историю своей семьи, и ни к чему было присматриваться.

Кортни задумчиво жевала. Хруст крендельков эхом разносился по кухне.

– Что-то вроде того. Я была в известном местечке под названием Рэдли. А после того, как его превратили в отель, или что там еще, меня перевели в интернат-клинику Эддисон-Стивенс. – Она произнесла название с нарочитым британским акцентом, закатывая глаза.

Спенсер и подруги обменялись изумленными взглядами. *Ну, конечно.* Пациентом Рэдли был вовсе не Джейсон ДиЛаурентис, а *Кортни*. Его имя значилось в журнале, потому что он навещал ее. И Ханна рассказывала, что Айрис, ее соседка по палате, нарисовала портрет Эли в какой-то тайной комнате. Но Айрис, должно быть, знала Кортни, а не Эли.

– Так… у тебя были… проблемы с психикой? – осторожно спросила Ария.

Кортни нацелила на нее кренделек, как кинжал.

– Интернат предназначен *не только* для психически больных, – отрезала она.

– Ой, – Ария зарделась от смущения. – Извини. Я не знала.

Кортни пожала плечами и уставилась в вазочку с кренделькам. Спенсер все ждала, что она объяснит, почему *оказалась* в подобных местах, но девушка промолчала.

Наконец Кортни подняла голову.

– Так или иначе. Простите, что убежала от вас в ночь пожара. Представляю, как я вас… запутала.

– О боже, это была *ты*! – воскликнула Ханна.

Спенсер пробежалась пальцами по краям голубой салфетки, лежавшей на столе. Казалось логичным, что именно Кортни выбежала из леса, а не призрак Эли или плод странной групповой галлюцинации.

Эмили подалась вперед, и белесые волосы упали ей на лицо.

– Но что ты там делала?

Кортни придвинула свой стул ближе к столу.

– Я получила записку – думаю, от Билли, – и там было сказано, что мне непременно нужно кое-что увидеть в лесу. – На лице Кортни отразилось раскаяние. – Я не должна была выходить из дома, но в записке говорилось, что это поможет раскрыть убийство Эли. Когда я добежала до леса, начался пожар. Я уже попрощалась с жизнью… но Ария спасла меня. – Она коснулась руки Арии. – Кстати, спасибо.

Ария открыла было рот, но не издала ни звука.

– Как тебе удалось так быстро выбраться оттуда? – настойчиво спросила Эмили.

Кортни смахнула с губ кристаллики соли.

– Я позвонила своему знакомому в полиции Розвуда. Это давний друг нашей семьи.

Со двора донесся визг микрофона. Спенсер посмотрела на Арию, Эмили и Ханну. Понятно, кто этот *друг семьи*. Вот почему они не видели его в ночь пожара. И это же объясняло, почему он просил их молчать о том, что они видели Эли: он отвечал за безопасность ее сестры.

– Вилден. – Эмили стиснула зубы. – Тебе не следует доверять ему. Он не тот, за кого себя выдает.

Кортни откинула голову назад и весело хохотнула:

– Успокойся, Киллер.

От страха по спине Спенсер пробежала холодная дрожь. *Киллер*? Это же прозвище Эмили, придуманное Эли. Неужели Эли рассказала сестре и об этом?

Но, прежде чем кто-либо из них успел что-то сказать, в прихожей появилась миссис ДиЛаурентис. Когда она заметила девушек, ее лицо просветлело.

– Спасибо, что пришли, девочки. Это очень много значит для нас.

Миссис ДиЛаурентис подошла к Кортни и положила руку ей на плечо. На ее длинных, идеальных ногтях блестел классический красный лак от *Chanel*.

– Извини, дорогая, но репортер из «Эм-Си-Эн-Би-Си» хочет задать тебе пару вопросов. Он проделал долгий путь из Нью-Йорка…

– Хорошо, – застонала Кортни, вставая со стула.

– И роузвудская полиция тоже хочет поговорить с тобой, – добавила миссис ДиЛаурентис. Она взяла лицо дочери в ладони и начала разглаживать ее брови. – Их интересует ночь пожара.

– *Опять?* – Кортни театрально вздохнула, отстраняясь от матери. – Я предпочитаю общаться с прессой. С ними веселее.

Она повернулась к девушкам, неподвижно сидевшим за столом.

– Заходите в любое время, девчонки, – сказала она с улыбкой. – Для вас двери всегда открыты. И, да, самое главное! – Она достала из кармана новенькое ламинированное удостоверение школьника. «КОРТНИ ДИЛАУРЕНТИС» – значилось на нем большими красными буквами. – Я буду учиться в Роузвуде! – воскликнула она. – Увидимся завтра в школе.

Многозначительно подмигнув онемевшим девушкам, она удалилась.

6
Фрикам здесь не место

На следующее утро Ханна, как обычно, шагала по дорожке от парковки к школе. У главного входа уже дежурили фургоны телевизионщиков с «Канала 6», «Канала 8» и Си-Эн-Эн. Репортеры таились за кустами – в засаде, как львы на охоте. Пригладив темно-рыжие волосы, Ханна приготовилась к шквалу вопросов.

Один из репортеров внимательно посмотрел на нее, а потом повернулся к своим коллегам.

– Отбой! – крикнул он. – Это всего лишь одна из тех милых обманщиц.

Ханна поморщилась. *Всего лишь* одна из милых обманщиц? Что это значит, черт возьми? Разве они не хотят узнать, что думает Ханна о тайной близняшке Эли? Или их не интересует ее мнение о попытках Билли доказать свою невиновность? И, в конце концов, как насчет того, чтобы принести ей глубочайшие извинения за всю ту грязь, что на нее вылили?

Она вздернула нос. Плевать. Охота была светиться на телевидении. Тем более что камера добавляет килограммов пять.

Коренастый парень со штанговым микрофоном что-то передал по рации. Корреспондентка захлопнула крышку своего сотового телефона.

– Кортни ДиЛаурентис на дальней парковке!

Репортеры и операторы ринулись на задний двор школы.

Ханна содрогнулась. *Кортни.* Это до сих пор казалось сном. После того как Ханна покинула кухню ДиЛаурентисов, она ждала, что вот-вот из ниоткуда выскочат люди с камерами и объявят, что все это – безумный розыгрыш.

Почему Эли не рассказала им о сестре? Ведь столько было возможностей – ночные девичники, записки на переменках, поездки в горы Поконо и Ньюпорт. А сколько раз они устраивали игры «Я никогда не…» и «Правда или желание», но Эли так и не выдала свой главный секрет. Почему Ханна ничего не заподозрила, когда Эли предложила притвориться, будто они – пятеро близнецов, разлученных при рождении? Или когда увидела портрет Эли – *Кортни* — на стене потайной комнаты в психушке. Может, Эли намекала на что-то, когда, глядя на Ханну, вздыхала: «Везет тебе, ты – единственный ребенок в семье»?

Протиснувшись сквозь толпу блеклых зануд, просматривающих повтор сериала «Хор»[4] на айфоне, Ханна распахнула дверь и решительно переступила порог школы. Вестибюль выглядел как визитная карточка фабрики *Hallmark*. Стены были украшены белыми бумажными купидонами, гирляндами из красных сердечек, бантами из золотистой фольги. У дверей актового зала высились гигантские скульптуры в форме сердец, которые школа выставляла каждый год. «НАЙДИ СВОЮ ЛЮБОВЬ», – призывала каллиграфическая надпись в стиле свадебного приглашения на одном сердце. «НА БАЛУ В ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА», – вторило ей другое сердце. «В ЭТУ СУББОТУ», – подсказывало третье сердце со следами зубов – видимо, грызуна, пробравшегося в кладовку, где хранились сердца в течение года. Из большой плетеной корзины торчали розовые флаеры с подробной информацией о предстоящих танцах, включая обязательные требования к дресс-коду. В День святого Валентина всем – даже мальчикам – надлежало быть в красном, розовом или белом. В свете недавней трагедии средства от продажи билетов перечислялись в созданный фонд памяти Дженны Кавано, который собирался спонсировать обучение собак-поводырей. Любопытно, что от мемориала Дженны, установленного

[4] «Хор» (*англ.* Glee – многоголосная песня гли; в России также известен как «Лузеры») – телесериал с элементами мюзикла, драмы и комедии.

в вестибюле еще вчера, не осталось и следа. То ли администрация школы получила слишком много жалоб от тех, кто считал его депрессивным и не способствующим атмосфере праздника, то ли с появлением Кортни смерть Дженны отошла на второй план.

Из кафе *Steam* доносились звуки смеха. Ханна обернулась и увидела за одним из столиков Наоми, Райли и Кейт с кружками ароматного травяного чая и теплыми булочками с клюквой и отрубями. С ними сидела и четвертая девушка – с личиком в форме сердца и огромными голубыми глазами.

Зашипело устройство для взбивания молока в кофемашине, и Ханна вздрогнула. У нее возникло такое чувство, будто она вернулась в шестой класс, когда Наоми, Райли и Эли были неразлучны. Но, конечно, не Эли сидела сейчас с Наоми и Райли как лучшая подруга на все времена. Это была Кортни.

Ханна подошла к их столику, но лишь только она собралась сесть на единственный свободный стул, Наоми закинула на него необъятную сумку от *Hermes*. Зеленая сумочка Райли от *Kate Spade* занимала соседний стул, и Кейт до кучи водрузила на нее сумку-хобо от *Foley + Corinna*. Гора из сумок напоминала шаткую конструкцию башни в игре «Дженга»[5]. Кортни растерянно прижимала к груди сумку-тоут клюквенного цвета.

– Извини, Псих, – ледяным тоном произнесла Наоми. – Это место занято.

– Я не Псих. – Ханна сузила глаза. Кортни заерзала на стуле, и Ханна задалась вопросом, не покоробило ли ее слово *псих*. Ведь *она* тоже побывала в психушке.

– Если ты не псих, – поддразнила Кейт, – тогда почему я слышала, как ты кричала во сне прошлой ночью?

Девушки захихикали. Ханна больно закусила щеку. Если бы только она могла каким-то образом записать этот разговор на телефон и показать отцу. Впрочем, не все ли ему равно? После пресс-конференции она напрасно ждала, что он постучится к ней в комнату, чтобы обсудить, как все прошло. Раньше это было в порядке вещей – они подолгу беседовали, когда Ханна не прошла в группу чирлидеров в средней школе, когда переживала, что не нравится Шону Эккарду, когда родители Ханны решили развестись. Но вчера отец так и не постучался. Мистер Марин провел весь вечер в офисе, по-видимому, не подозревая о том, что Ханна страдает.

– Почему бы тебе не присоединиться к Засере? – съязвила Райли. Девушки захихикали. – Он тебя ждет! – Она показала рукой куда-то вдаль.

Ханна проследила взглядом за костлявым, крючковатым, как у ведьмы, пальцем Райли. Майк сидел в одиночестве за столиком рядом с туалетом, прихлебывая кофе из высокого бумажного стаканчика и уставившись в листок бумаги. Он выглядел как единственный щенок в приюте, не нашедший своего хозяина. У Ханны защемило сердце. Вчера ночью он прислал ей кучу эсэмэсок; она хотела ответить, но так и не собралась. Просто не знала, что сказать. И неважно, что исподнее на фотографии чужое: все *поверили* в то, что оно принадлежит Майку, так же как единодушно сочли ее психом. А прозвища в роузвудской школе приклеивались намертво. В седьмом классе Эли окрестила Питера Грейсона «Картошкой», потому что фигурой он напоминал Мистера Картофельная голова[6], и до сих пор его только так и называли.

Майк поднял взгляд и заметил ее. Его лицо просияло, и он помахал розовым флаером, зазывающим на «ТАНЦЫ В ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА».

Ханна хотела подойти к нему, но вовремя спохватилась. Если она сядет за его столик – и, хуже того, согласится пойти с ним на танцы, – от клейма «Психа» ей уже вовек не отмыться. Пребывание в клинике вместо недоразумения обернется катастрофой и поставит крест на ее карьере в старшей школе. Прощайте, крутые домашние вечеринки и оргкомитет выпускного

---

[5] Дженга (*англ.* Jenga) – настольная игра, в которой игроки по очереди достают блоки из основания башни и кладут их наверх, делая башню все более высокой и все менее устойчивой.

[6] Мистер Картофельная голова (*англ.* Mr. Potato Head) – американская игрушка, представляющая собой пластиковую картофелину, к которой прилагается множество аксессуаров.

бала – *единственный* комитет в роузвудской школе, за членство в котором она готова бороться. В весенние каникулы ей уже не видать поездки с достойной компанией на Ямайку или Санта-Лусию, а в июне для нее не найдется места в пляжном домике в Майами. Саша из бутика *Otter* перестанет откладывать для нее новые шмотки, Ури не сможет втиснуть ее в свое расписание, когда срочно понадобится мелирование или укладка, и всего за одну ночь она снова превратится в придурковатого лузера. Тут же прибавятся лишние килограммы, доктор Хьюстон вернет ей брекеты, а эффект от операции «Лейсик» на глаза неожиданно сойдет на нет, и придется опять нацепить очки в стиле Гарри Поттера, которые она носила в пятом классе.

Нет, этому *не бывать*. С тех пор как Эли выдернула ее из небытия, Ханна поклялась никогда, больше *никогда* не становиться лузером.

Ханна сделала глубокий вдох.

– Извини, Засеря, – услышала она насмешливый и писклявый голос, ничуть не похожий на ее собственный. – Я не могу приближаться к тебе. Микробы и все такое. – Она ухмыльнулась.

У Майка отвисла челюсть. Его лицо побледнело, как если бы он увидел призрака – возможно, Призрака Стервозного Прошлого. Ханна обернулась и посмотрела на Наоми, Кейт, Райли и Кортни. «Видите?» – хотелось ей крикнуть. Она способна на жертвы. Она *заслуживает* того, чтобы быть в их компании.

Наоми встала из-за стола и стряхнула с рук крошки от булочки.

– Извини, Хан, может, тебя и не заразил Засеря, но *все равно* ты – фрик. – Она поправила узел шелкового шарфа от *Love Quotes* и дала знак остальным девушкам. Первой поднялась Райли, следом за ней Кейт.

Кортни замешкалась, не отрывая голубых глаз от Ханны.

– Тебе очень идет эта прическа, – произнесла она наконец.

Ханна смущенно тронула волосы. Она вовсе не старалась с укладкой – просто выпрямила волосы феном и нанесла каплю сыворотки *Bumble & Bumble*. Ей вдруг вспомнился нарисованный Айрис портрет на стене чердака и глаза Кортни – огромные и пугающие. Дрожь пробежала у нее по спине.

– Э-э, спасибо, – осторожно пробормотала она.

Кортни задержала на ней взгляд, и на ее губах появилась странная улыбка.

– Пожалуйста, – сказала она. Потом перекинула сумочку через плечо и последовала за подругами.

7
Ноэль Кан, образчик гостеприимства

Несколькими часами позже, на третьем уроке, Ария поплелась в аудиторию для выполнения домашних заданий. Обычно здесь проходили классы здоровья, поэтому стены комнаты были увешаны плакатами с описанием различных симптомов ЗППП[7], ужасов наркомании и страшных для кожи последствий курения. Тяжелый желтый шар из воска имитировал жировой ком в теле, а длинный постер иллюстрировал стадии развития плода в утробе матери. Мередит, псевдомачеха Арии, находилась на двадцать пятой неделе беременности, и, согласно представленной диаграмме, ее плод уже достиг размера брюквы. *Смех,* да и только!

Ария сделала долгий глоток кофе из термокружки. Она по-прежнему заказывала кофейные зерна в маленькой кофейне по соседству с домом, где они жили в Рейкьявике. Одна только доставка стоила кучу денег, но после исландского кофе то, что подавали в *Starbucks*, казалось пойлом. Ария села за свободную парту, а тем временем народу в классе прибывало. Рядом с ней что-то грохнуло, и она вскинула голову.

– Привет. – Ноэль уселся за соседнюю парту через проход. Ария удивилась, увидев его, хотя Ноэль учился в одном с Арией классе, время, отведенное на самостоятельные занятия, он обычно проводил в школьном тренажерном зале. – Как дела? – спросил он, широко распахнув глаза.

Ария невозмутимо пожала плечами, сделав еще один душевный глоток кофе. Кажется, она догадывалась, о чем хотел поговорить Ноэль. Сегодня *все* хотели говорить с ней только об одном.

– Ты уже общалась с этой… ну, как ее… Кортни? – Его губы дернулись, когда он произнес имя.

Ария погрызла ноготь большого пальца.

– Да, немного поболтали. Но, надеюсь, больше не придется.

Ноэль озадаченно посмотрел на нее.

– Что? – рявкнула Ария.

– Да просто… – Ноэль замолчал, поигрывая брелоком в форме бутылки водки «Абсолют», пристегнутым к рюкзаку. – Я подумал, ты захочешь познакомиться с ней поближе, учитывая, что она сестра Эли и все такое.

Ария отвернулась, уставившись на ярко раскрашенную пищевую пирамиду. Ее отец, Байрон, сказал то же самое вчера за ужином – что общение с сестрой-близнецом может пойти на пользу и Ария быстрее оправится от смерти Эли. Ария почти не сомневалась в том, что и мама придерживается такого мнения, хотя в последние дни она старательно избегала разговоров с Эллой. Каждый раз, когда Ария звонила домой, она рисковала нарваться на похотливого ухажера матери, Ксавье.

Вся эта история с Кортни донельзя бесила Арию: Кортни на трибуне, приветственно машет толпе. ДиЛаурентисы скрывают дочь в течение многих лет, так что ни одна живая душа не знает о ее существовании. Пресса исходит слюной, жадно ловит каждое их слово. В разгар этого цирка Ария взглянула на Джейсона ДиЛаурентиса. Он кивал в такт всему, что говорила мать, но глаза у него были стеклянными, словно ему промыли мозги. Если у Арии и оставалось хоть что-то от пылкой влюбленности в Джейсона, все исчезло в тот миг. Он и его семья оказались еще более мутными, чем она себе представляла.

---

[7] Заболевания, передающиеся половым путем.

Ария наугад открыла учебник по биологии и сделала вид, будто читает параграф про фотосинтез. Ноэль выжидающе смотрел на нее.

– Мне не по себе, когда я нахожусь рядом с ней, – наконец ответила она, не поднимая глаз. – Это рождает много воспоминаний об исчезновении и смерти Эли.

Ноэль подался вперед, отчего заскрипела старая деревянная парта.

– Но Кортни тоже прошла через это. Может, вам будет легче справиться с этим вместе. Я знаю, ты против групповой терапии, но разговор с ней мог бы принести тебе облегчение.

Ария ущипнула себя за переносицу. Если на то пошло, групповая терапия нужна ей для того, чтобы справиться с появлением Кортни.

В передней части класса послышалась какая-то возня. Вокруг зашептались. Когда миссис Айвз, куратор самостоятельных занятий, отошла от двери, у Арии замерло сердце. На пороге стояла Кортни собственной персоной.

Миссис Айвз указала Кортни на единственную свободную парту, которая – *разумеется,* – оказалась по соседству с Арией. Все уставились на Кортни, когда она двинулась по проходу, покачивая бедрами, и ее длинные светлые волосы слегка трепыхались. Фи Темплтон даже успела сфотографировать Кортни на «блэкберри».

– *Она выглядит, как Эли,* – прошипела Имоджен Смит.

Кортни заметила Арию и просияла.

– Привет! Приятно увидеть дружелюбное лицо.

– П-привет, – запнувшись, пробормотала Ария. Она подозревала, что выражение ее лица сейчас уж точно не тянет на *дружелюбное.*

Кортни скользнула за парту, повесила блестящую красновато-розовую сумку-тоут на спинку стула и достала из переднего кармашка тетрадь на пружинках и фиолетовую авторучку. «*Кортни ДиЛаурентис»,* – было выведено надутыми буквами на обложке тетради. Даже почерк у нее был такой же, как у Эли.

Комок желчи подступил к горлу Арии. Это уже *слишком.* Эли *мертва*.

Ноэль обернулся и одарил Кортни улыбкой до ушей.

– Я – Ноэль. – Он протянул руку, и Кортни ее пожала. – Ты первый день в школе? – добавил он, как будто и не знал.

– Угу. – Кортни сделала вид, будто отирает пот со лба. – Безумное местечко. Я никогда не ходила в школу, где классы расположены в коровниках!

«*Это потому, что ты никогда не ходила в настоящую школу*», – подумала Ария, тыча механическим карандашом в небольшую выемку на поверхности парты.

Ноэль с энтузиазмом закивал, и его лицо заискрилось, как игровой автомат «Вегас».

– Да, здесь когда-то была ферма. По крайней мере, скот отогнали!

Кортни захихикала, как будто услышала самую смешную шутку в мире. Она еле заметно повернулась корпусом в сторону Ноэля. Когда-то так делала и Эли с мальчишками, которым симпатизировала, – словно помечала свою территорию. Намеренно ли это сделала Кортни? А может, и впрямь существует незримая связь между близнецами? Ария ждала, что Ноэль просветит Кортни насчет того, что они встречаются, но он лишь победно взглянул на Арию. «*Видишь?* – читалось на его лице. – *Кортни очень даже ничего».*

Внезапно на нее обрушился поток горьких воспоминаний. В седьмом классе Ария сказала Эли, что влюблена в Ноэля. Эли заверила ее, что обязательно поговорит с ним и выяснит, нравится ли ему Ария. Но вскоре после разговора с Ноэлем Эли сообщила: «Знаешь, какая… *странная* штука. Я была у Ноэля дома и заговорила о тебе, и он сказал, что ты ему нравишься как друг. А потом признался, что любит *меня.* И, кажется, он мне тоже нравится. Но я не стану с ним встречаться, если ты этого не хочешь».

Ария почувствовала, что у нее из груди вырвали сердце и искромсали его на мелкие кусочки.

«Э-э, ладно», – спешно пробормотала она. Что еще она могла сказать? Разве она могла соперничать с Эли?

Эли пару раз сходила на свидание с Ноэлем – в кино, на девчачий фильм по ее выбору и в молл *King James*, где Ноэль терпеливо ждал, пока Эли часами примеряла шмотки в *Saks*. Потом, ни с того ни с сего, Эли рассталась с Ноэлем, потому что ей понравился другой парень, постарше. Должно быть, Йен.

И вот сейчас история как будто повторялась. Не проснутся ли в Ноэле чувства к Эли теперь, когда объявился ее двойник?

Кортни и Ноэль все еще обменивались шутками про журналистский сарай, в котором до сих пор сохранились сеновал и свиная кормушка. Ария громко откашлялась.

– Хм, Ноэль, я тут подумала насчет танцев в День святого Валентина, – сказала она. – Ты наденешь смокинг или костюм?

Ноэль, прерванный на полуслове, недоуменно захлопал ресницами.

– Ну, обычно парни носят костюмы.

– Вот и славно, – ласково пропела Ария. Все это время она не сводила глаз с Кортни, надеясь, что та уловит намек. Но вместо того чтобы заниматься своими делами, Кортни кивнула на открытую сумку Арии из меха яка, брошенную на пол.

– Эй! Ты все еще занимаешься этим?

Ария заглянула в сумку. В одном из больших карманов лежали спутанный клубок белой пряжи и деревянные спицы. Она подняла сумку с пола и бережно прижала ее к груди. *Ты* все еще *занимаешься этим*? Какой странный речевой оборот.

– Сестра говорила мне, что ты вяжешь, – объяснила Кортни, словно читая мысли Арии. – Она даже показывала мне мохеровый лифчик, который ты ей подарила.

– О. – У Арии дрогнул голос. В комнате вдруг нестерпимо запахло несмываемым маркером и пóтом. Кортни устремила на нее невинный взгляд, но Ария не могла улыбнуться в ответ. Что *еще* Эли рассказывала сестре про Арию? Что она была лузером с закидонами, без друзей и подруг, пока ее не подобрала Эли? Что Ария сходила с ума от безответной любви к Ноэлю? А может, Эли рассказала даже и про то, как они застукали Байрона и Мередит, целующихся на парковке? Эли с восторгом вспоминала ту сцену – пожалуй, только об этом и говорила с Арией в последние несколько недель до своего исчезновения.

Арию затрясло. Она больше не могла сидеть здесь и притворяться, будто ничего не происходит. Когда ее мобильник на парте издал пронзительный звук, она едва не выпрыгнула из своей кожи. На экране пробежала строкой новость, переданная Си-Эн-Эн: «У БИЛЛИ ФОРДА, ВОЗМОЖНО, ЕСТЬ АЛИБИ».

Кофе забулькал у нее в животе. Когда она подняла голову, то увидела, что Кортни – бледная, с широко распахнутыми глазами, – тоже пристально смотрит на сообщение. Казалось, будто она хочет вырвать телефон из рук Арии.

Но уже в следующее мгновение выражение ее лица изменилось.

8
Легкий стриптиз, да и только

Во вторник Эмили торопилась на урок физкультуры, когда Ария поймала ее за руку.

– Взгляни на это. – Она поднесла к лицу Эмили свой мобильник.

На экране шла запись недавнего выпуска новостей.

– Неожиданный поворот в судебном процессе по делу Уильяма Форда, – гремел голос репортера.

В кадре появилась парковка у ночного магазина.

– Свидетель во Флориде утверждает, что встретился с мистером Фордом у магазина *7-Eleven* пятнадцатого января, в тот самый день, когда милые обманщицы обнаружили в Роузвуде труп мистера Йена Томаса, – объяснял голос за кадром. – Свидетель желает остаться анонимом, потому что встреча связана с покупкой запрещенных наркотиков, но если следователи смогут подтвердить его алиби, этого достаточно, чтобы снять с мистера Форда обвинение в убийстве мистера Томаса.

Мимо прошел мистер Оуэнс, самый строгий из преподавателей физкультуры, и Ария быстро сунула телефон в карман – пользование мобильными телефонами в учебное время запрещалось. Когда он скрылся за углом, Ария снова включила видеозапись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.